

Не на той улице

Моск. превзр. - 1990. 5 Запр

РОДИВШИИСЯ

Два месяца назад московские зрители с интересом знакомились с театром «Габима» из Тель-Авива. И вот другой крупнейший театральный коллектив столицы Израиля — Камерный театр — показал свои спектакли в Москве, на сцене филиала Малого театра, в ответ на двухнедельные февральские гастроли последнего в Тель-Авива и Иерусалиме.

Если «Габима», рожденная в первые дни Октябрьской революции, была студийным детищем Художественного театра, то Камерный театр Тель-Авива был бунтарским младенцем «Габимы», в 1944 году отколовшаяся группа молодых актеров создала собственную труппу.

С тех пор, без малого пятьдесят лет, Камерный театр, имеющий три постоянно действующие сцены, выпускающий в сезон до двенадцати премьер и дающий в год до девяти сот представлений у себя в стране и за рубежом (при труппе в семьдесят актеров), является полем для пробы сил молодой режиссуры, мастеров сценографии, композиторов. При этом здесь не забывают о значении классики (поставили, например, всего нашего Чехоза).

Наш Малый театр на гастролях в Израиле играл тоже Чехова — «Вишневый сад» и «Лешего», а еще «Царя Федора Иоанновича» А. К. Толстого. Камерный театр с ответным визитом привез две работы: пьесу Джеймса Саундерса по мотивам повести немецкого писателя рубежа XVIII—XIX веков Генриха фон Клейста «Михаэль Кольхаас» в постановке художественного руководителя театра Илана Ронена и инсценировку произведения крупнейшего романиста, лауреата Нобелевской премии Шмуля Йозефа Агнона «Шира» в редакции и постановке Йорама Фолка.

Первое, что завораживает и не отпускает до конца спектакля «Михаэль Кольхаас», — черно-белая сценография Руфи Дар. Слово легким пером очерченные силуэты мощного замка Тронки и уютного домика торговца лошадами Кольхааса; грозные символы земной и небесной власти — меч и крест на белых полотнищах, строгие черные костюмы исполнителей в полном соответствии с местом и временем драмы — Германией XVI столетия.

«Михаэль Кольхаас» — трагедия простого человека, посмевшего отстаивать свою честь, человеческое достоинство и право личной собственности в борьбе с произволом помещика, охраняемого судебной и церковной властью. И как только упрямый Кольхаас (его с большой внутренней силой и темпераментом играет Джозеф Кармон) вступает в свою роковую битву, окружающий мир становится для него лишь черно-белым. Не жестокости ради поднимает он на восстание себе подобных, и не его вина, что злобная фигура Смерти отныне занимает рядом с ним место погибшей жены. Слишком широко разлившийся бунт уже не остановить словами, как ни пытается сделать это величественный и благородный с виду Мартин Лютер (Илан Дар), взявшийся за посредничество между властями и Кольхаасом. Армия повстанцев — армия мертвецов, и сам Михаэль понимает, что обречен. Только прежде чем положить голову на плаху под топор палача, он обязан вернуть себе поруганное достоинство.

— Включая в свой репертуар то или иное произведение мировой классики, — говорит художественный руководитель театра И. Ронен, — мы прежде всего думаем о его созвучности сегодняшним событиям у нас в стране и в мире. В нашем репертуаре не случайно присутствуют «Макбет», «Мамаша Кураж», «Михаэль Кольхаас». С проблемами личности и власти, несправедливых войн, социального неравенства, попранного человеческого достоинства мы сталкиваемся ежедневно. Они актуальны сегодня так же, как и во времена создания этих пьес. Как, впрочем, и проблемы личного выбора, поисков человеком самого себя, чему посвящен наш спектакль «Шира» — история одной любви.

Шира — имя героини спектакля, медицинской сестры (Сандра Салех), встретившей случайно доктора Манфреда Хербста — почтенного преподавателя университета и отца счастливого семейства (Илан Дар). Любовная связь, возникшая поначалу, кажется, даже без особого энтузиазма с обеих сторон, постепенно превращается для Хербста в мучительную и сладостную отраву, без которой он уже не может жить. Привычная работа, милая, очаровательная жена (Левана Финкельштейн), взрослые дочери и даже последний поздний ребенок — крошка сын не в силах удержать его в семье. Одним ударом отсекая все свое прежнее, неспешно текущее благополучие, Манфред бросается навстречу Шире, чтобы вместе с ней шагнуть в неизвестность, а может быть, и в пропасть. Как горьковский Егор Булычов, утонченный интеллигент Манфред Хербст родился и всю свою жизнь прожил «не на той улице», даже не подозревая об этом до встречи с Широй. И теперь, прозрев и впервые обретя себя, Хербст в счастливом изнеможении опускается на землю у подножия той глухой, неприступной стены, что отгораживала от него окружающий мир на протяжении всей его прошлой жизни (художник Давид Шарир). С глухим треском вылетают из стены каменные блоки, и в проемах показываются страшные лики человеческой нищеты, болезней, язв. Но Манфреду и Шире все равно: они вместе.

Камерный театр предстал перед москвичами как коллектив высокого профессионализма, культуры, тонкого вкуса.

Н. БАЛАШОВА.

На снимке: Джозеф Кармон — Кольхаас.

Фото А. СОРКИНА